

Дж. Лер

БРАКОН
НЕ ПАРА
КРОКОДИЛУ

Эк Лер

Дракон не пара Крокодилу

<https://litres.ru/74178822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спокойная старость? Личная метла? Право замахиваться на всех скалкой крича Срамота!?

Забудьте!

Судьба с размаху вручает билет в мир приключений: сосулька на голову = статус «Избранной», бонусом — способность прыгать по мирами и вершить судьбы.

А дальше веселее: Учениккатастрофа, благодаря ему за мной бегают всё мужское население Рейнаргарда, а один особо инициативный наследник даже успел окольцевать и омолодить брачной меткой, лишаящей права прикинуться бабушкой.

48 часов, чтобы всё это отменить, — иначе прощайте, тапочки, здравствуйте, обязанности жены дракона толпой кавалеров со всех уголков королевства.

Выбор очевиден: спасти себя и желательно без штампа в паспорте!

Тапочки, я иду к вам если успею вырваться из этой волшебной канители!

ВНИМАНИЕ: Эта книга писалась ради развлечения и любовная линия не планировалась, но в любой момент может сюжет завернуть неожиданно.

Содержание

Глава 1. Завтрак в постель или сюрприз в кровати	5
Глава 2. Недоброе утро - когда бодрит далеко не кофе	11
Знакомство с героями	20
Глава 3 Миссия - “Устранить чесотку” пошла не по плану	27
Глава 4. Небольшой “Упс” или любовный зуд королевского масштаба	38
Глава 5. Предложение или жаботливый принц С Международным Женским Днем	48
Глава 6. Королевский ужин	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эк Лер

Дракон не пара Крокодилу

Глава 1. Завтрак в постель или сюрприз в кровати

— Роза, душа моя, ты так прекрасна, — раздался по комнате голос, насыщенный, как медовуха из утиль-тара, да ещё и со скидкой.

Тут меня кто-то гладит по руке. Не мой кот Кузя, точно: он если лапой трогает — только когда жрать надо. А это... чья-то рука, да явно мужская. Вот уж куда черт занес.

Продрала один глаз — сердце чуть не послало смс о кончине.

Во-первых, подобный сервис у меня со времен царя Гороха отменен за неактуальностью. Во-вторых... Да тут просто без комментариев.

Открыла второй глаз: ну чтоб уж совсем убедиться, что не снится.

На бархатных подушках, как в экспозиции музея пошлости и рекламы мужских духов, разложился молодой мачо. Шевелюра, хоть косы заплетай, черные волосы — блестят, как колготки у секретарши в премиальный день. Глаза — яр-

ко-голубые, глядят так, будто я главный приз на корпоративе.

Во рту у этого экземпляра — роза. Целый стебель, ага. Позировал так, будто кастинг на главного жениха моего персонального Апокалипсиса проходит. Роза эта, пока он дышал, аж покрылась инеем. Может, от перспективы, может — от смущения.

В моем двадцатилетии лицо бы заволокло краской от открывшегося пейзажа, а сейчас только сустав взвизгнул от неудачной позы.

Вообще, товарищ даже постеснялся что-то на себя накинуть. Видимо, стыд — это где-то там, в параллельной реальности а одежда — это моветон.

Кожа у него блестит, как будто только что натерли воском и сбрызнули феями из баллончика.

Похоже, он реально собирался подавать “десерты” далеко не на столовой части тела. Старался изо всех сил, а для кого — загадка.

Я бы впечатлилась... Если бы меня не вырывали из вечного сна для таких “конкурсов мистеров мускулов”. Тут уж восторгом даже соседский кот подавился бы.

“Срамота то какая...” — только и родилось внутри. В моем возрасте утра для акробатики уже не существует, только для физкультуры суставов.

“Вот сейчас бы тебе, милоч, минимальное колдовство и

вечное сидение на горшке, чтобы дурь из башки вся вышла. “Возмутилась мысленно про себя.

Рефлексы не подвели — схватила что поближе и тяжелее, попался поднос с завтраком. Ну, я и двинула им как следует — прямо по голове, чтоб быстрее дошло.

— Думаешь, если у тебя там все сверкает, как витрина с украшениями, я тут сразу прыгну в омут страсти? Таких “бриллиантов” на ярмарке жизни я видела больше, чем у тебя волос на груди!

Сорвалась, голос нервный, злой, как у старшей по подъезду в момент рейда по должникам. Что, зря главным бухгалтером работала?

— Ишь, чего удумал! Прикрой свой срам, простудишь казну! — кулаком помахала перед лицом красавца.

Поднос звоном ввалился в кипу простыней, шоколад улетел в потолок, кофе и сливки растеклись по черной ткани до состояния художественного беспредела.

А кавалер сидел и смотрел на меня глазами побитой собаки, как будто только что осознал: у любви не только объятия бывают, но и четкая география контузии головы.

Я с негнушимися суставами, кипя от злости, пыталась спрыгнуть с кровати, при этом подтягивая халат... Ага, конечно, его поджал под свою свежесвыбритую булку этот молодой извращенец!

Дернула ткань на себя так, как будто вытягивала Экскалибур — и мужчина, не имея выбора, взлетел в воздухе, будто

ему Амур кол в самый эпицентр страстей всадил.

Тут же на автомате — подносом ему по ореху! Такой «дзыньк», будто кто-то с размаху хлопнул дверью отдела кадров, объявляя “обед”.

Красавец выдал сдавленный визг, подскочил, попытался отчаянно удержаться, но, поскользнувшись на сливках, кувыркнулся с такой грацией, что любой цирковой акробат обзавидовался бы.

В финале этого аттракциона он с выражением побежденного героя и задранной задницей встал на четвереньки прямо посреди комнаты, окончательно потеряв и достоинство, и весь свой пафосный вид главного самца.

На его сияющей ягодице остался восхитительный отпечаток от удара подносом. Красивый красочный узор, как татуировка в виде какой-то молнии с эмблемой.

— Поздравляю, ты волшебник, Гарри, только мы не в Хогвартсе, — поставила я перед фактом, чтобы не питал надежд на увлекательное приключение.

Оставалось только для полноты картины дать ему пендаля ради финального аккорда, но судьба решила сэкономить мне силы: стоявшая рядом лампа не выдержала его фееричных акробатических попыток и с чувством выполненного долга рухнула прямиком ему на голову.

Прозвучало все это как пощечина от жизни — лампа смачно чмокнула его в макушку, и мой незадачливый Казанова свалился без сознания, как героиня романтической ко-

медии.

Я оглядела это сверкающее великолепие, скосила взгляд в сторону и уткнулась глазами в зеркало во всю стену.

Тут вся ситуация предстала передо мной в такой подробности и драматичности, что хоть художников приглашай и музеи собирай.

В отражении стояла я — женщина прекрасных возраст-

ных лет (не будем уточнять) в халате, что держался исключительно на остатках приличия и паре заклинаний от расползания, с прической, которую модные журналы окрестили бы «ночной ужас розовых бигудей».

А у моих далеко не новых, но все еще боеспособных ног развалился молодой красавец в обнаженном виде — курдюк задрал к потолку, с горящим отпечатком недавней ласки от подноса, постанывал, как королева драмы, и выглядел так, будто не только с гравитацией, но и с половиной законов физики вступил в неравный бой и с треском проиграл оба раунда.

Посмотрела я на все это сказочное безумие, тяжело вздохнула и резюмировала:

— Срамота... И ведь не на старости лет, а прямо-таки в пожилом расцвете сил! Как меня только угораздило?

Глава 2. Недоброе утро - когда бодрит далеко не кофе

За много часов до этого...

Вот объясните мне, люди добрые, за что мне такие утренние радости достались?

Тюленилась на кухне, халат на месте, бигуди на голове — красота, страшная же сила. Кузя был готов мне мораль цедить о высокой кошачьей доле, кофейник полный свежесваренного кофе...

Мир казался прекрасным, пока в этот праздник жизни не врезался волшебный кристалл — и так, с мигалками: "Очень срочно! Дело чрезвычайной важности!" Виу-Виу!

Я еще на всякий случай взмолилась "чур меня чур", чтобы не выкрали ни меня, ни кофейник, а тут как навернул вихрь — оп! Очухиваюсь — а я, понимаешь ли, в кабинете у Макалистера, как была в образе "миссис Домашний апокалипсис", с лицом а-ля "птеродактиль после попойки" и чашкой кофе, как единственным оружием самообороны, так и явилась к ним.

При виде их двоих мой огуречный "патч" как бы намек-

нул: "Удачи тебе, Роза — я пас". Он соскользнул с лица и с предательским чмяком украсил дорогуший старинный ковер вместо моих синяков.

Опять мне не судьба была помолодеть на пару лет.

Начальник сидел, как на экзамене по выживанию — глаза бегали, улыбка была натянута, будто он рекламу зубной пасты будучи в заложниках снимал. А за его спиной стоял мой "специалист-отличник" — Прокопий.

Этот самый Проша, у которого латынь вызывала больше разрушений, чем метеорит.

Была бы моя воля, я бы выдала ему пластиковую ложку и отправила учить считалки, потому что в его руках латынь — это было какое-то оружие массового бедствия.

Вопрос только один: начальство все еще надеялось на чудо или просто любило экстремально устранять последствия прокоповских осечек?

— Прекрасно, теперь мой кофе и махровый халат вошли в историю как официальное одеяние для экстренных совещаний. Осталось только тапки подписать: "Для самых важных переговоров", — возмутилась я, сверля взглядом так, что даже у портрета на стене усы зашевелились.

Макалистер сглотнул, мялся:

— Роза Кор-р-рневна... тут, видите ли... экстренное стечение магических обстоятельств...

А Проша — божий одуванчик — уже побелел от страха,

казалось, даже затылок у него вспотел. Хотя виду старался держать делового, будто это не его подбородок трясется, и вовсе не его зубы щелкают с такой напористой частотой, что хоть сейчас становись и отбивай чечетку под этот ритм.

— Я... я очень виноват, Роза Крок...Корнеевна... — Он вытаращился так, словно увидел призрак с налоговой, а не меня, но старался сохранять спокойствие и даже держался прямо, но я то вижу.

Неудивительно — я ведь взглядами ругаться умела лучше, чем большинству и вслух стыдно!

— Ну, выкладывай: что спалил, где взорвал, кого покалечил, или очередное королевство оставил без волшебства? — буркнула я, глядя на него своим фирменным взглядом.

— Мне дали задание — снять чары приворота в отношении Его Высочества Ваэлиона-Меридиона Нокса Арктурия фон Рейнаргара, — лепетал он, — а я... — тут он резко замолчал, сглатывая и пытаясь успокоиться, чтобы сказать, что случилось.

Прокопий всегда умилял меня тем, что даже накосячив, ухитрялся выглядеть героем — хотя почему-то то ли меня боялся, то ли слишком уж уважал.

По возрасту я ему в матери, а то и в бабушки гожусь, но, как ни странно, на духовном уровне мы равны: он больше полувека как умер, а только семь лет назад попал ко мне в ученики.

До этого просидел фантомным призраком в библиотеке,

ждал своей участи — уйдет ли наконец или останется маячить в Междумирье. Потому его самоуверенность меня не удивляла: за полвека он начитался книг столько, что впору лекции читать веками.

Разве что с Латынью у него так и не вышло — но все равно считает себя знатоком.

— Молодец, какое сложное имя смог выговорить без запинки, — буркнула я. — И?

Дальше его голос становился все тоньше, как у мальчика перед родительским собранием но старался держать лицо.

— Я все сделал строго по регламенту но... слегка напутал в тексте заклинания, и теперь... э-э... все население королевства мучается... чесоткой... А у принца должна быть свадьба с той самой принцессой, которая причастна к привороту...

— Слегка? Чесоткой? Вот ведь срамota! — у меня чуть чашка с кофе из руки не выпала, когда я собиралась отхлебнуть, но только содержимое смачно вылилось на ковер под ноги Макалистера.

— Ты что, в библиотеке полвека просидел изучая столько альманахов, только для того, чтобы выучить, как сделать массовый зуд чтобы спасти монарха от свадьбы?!

Юноша на миг сдулся, стал похож на булку, которую забыли на кухне неделю назад, но почти сразу снова выпрямился и напустил на себя важность оловянного солдатика, а у Макалистера на лице появился такой испуг, словно я вот-вот вызову его маму на родительское собрание.

В итоге, складывалось полное впечатление, что теперь именно я тут начальство, а эти двое — мои проштрафившиеся пятиклашки.

— Прокопий, напомним: голова придумана не только для демонстрации очков или смазливого личика — туда иногда и мозги складывают. Попробуй, вдруг понравится!

— Я честно думал...

— Да чем ты думал то? Недотепов! А Вы, Макалистер, почему ему поручили такое дело? — повернулась я в сторону начальства, злобно сверкнув глазами.

Мужчина тяжело сглотнул, оттянул галстук, будто ему стало нечем дышать, да еще и испарина на лбу выступила. Лицо покраснело, словно его резко бросило в жар, а вот Проша, наоборот, сидел с лицом белее моих чулок после стирки, но держал осанку, как ни в чем не бывало.

— Прокопий самый эрудированный из всех наших специалистов...

— И вы, прекрасно зная, что я всего второй день в заслуженном отпуске, дергаете меня — потому что облажались и доверили такое серьезное дело вот этому вот полувековому ерундиту? — Кивнула в сторону главного почесателя королевских масштабов.

— Роза Корнеевна, просите что хотите! Но нам нужна ваша помощь!

— Подождите, сейчас я вам так «помогу», что мало не покажется! — зарычала я. — Хотели меня поутру без кофе

оставить! — я подошла к углу где стояла швабра.

Макалистер только рот раскрыл, будто хотел оправдаться, но опоздал — я уже вцепилась в свой атрибут правосудия, а по-простому — в швабру, и двинулась на него. Пусть попробует теперь поспорить с женщиной, которая проснулась не с той ноги и без капли кофе и которой сказали, что отпуск временно откладывается.

Мужчина мгновенно подорвался с места и пустился бегать кругами вокруг стола, а я — за ним. Проша благоразумно решил не связываться, под горячую руку не лез, но прилежавший пинок по загревку изменил его планы и парню пришлось тоже присоединился к нашему забегу.

Ситуация просто комичная — два мужика бегают туда-сюда от какой-то полоумной старухи со шваброй наперевес.

— Полвека книжки ел — и все мимо! В следующий раз от твоих заклинаний у нас коровы влюбятся в тракторы, а мужики облысеют от одного слова "амор"!

И чуть было не влепила еще раз шваброй по затылку этому недотепе, но не рассчитала силы — как стрельнула поясница, так я и застыла, выставив оружие возмездия вертикально, хватаясь за швабру как за трость.

Еще раз окинула взглядом этих двоих. Они тоже замерли: начальник тяжело хватал воздух, будто только что марафон пробежал, а Прокопий, как ни в чем не бывало, даже не

вспотел.

— Я нашел способ... — вдруг нарушил тишину Проша, подошел к столу и вытащил какие-то свои каракули из своего портфеля.

— Это я в старом манускрипте вычитал! Нужно сварить нейтрализатор по рецепту приворота, только все ингредиенты кидать в обратном порядке и заклинание произнести задом наперед ... Если не ошибиться — действие должно сняться сразу. Остальные методы уже испробованы, так что остается этот последний вариант.

Макалистер, бледный как мел, плюхнулся обратно в кресло, платок вжал ко лбу и мигом осушил стакан с какой-то янтарной жидкостью и лицо сразу залилось здоровым румянцем.

Поразительно, что чашка кофе, с которой я сюда влетела, пережила наши гонки по кабинету и не пролила ни капли — стойко дожидалась хозяйку. Я тут же схватила свою дозу бодрости, намереваясь допить этот единственный в комнате источник кофеина.

— Ага, счастье привалило — аж сбило с ног.... Только не говорите, что то снятие приворота на королевской крови делали, — пробормотала я, и посмотрела на свое отражение в зеркальной поверхности отполированного стола, чтобы убедиться, что с моей “прической” все в порядке.

Только моей души не хватало на новый заговор. Надо было проследить, чтобы хоть ударения не проспал, чтобы опять

кто-нибудь не зачесался там, где солнце не светит...

Но мужчины переглянулись и синхронно кивнули, услышав мой вердикт. Прекрасно! Приворот еще и на королевской крови! Это же катастрофа хоть и поправимая!

— О, ну тогда все понятно, — хмыкнула я, даже не давая мужчинам пикнуть. — Добавили королевской крови — получили не только всплеск чувств, но и бонусный зуд.

— Роза Корнеевна, пожалуйста... — бормотал Макалистер, скосил глаза на меня, будто я сковородку под халатом прячу. — Присмотрите... за процессом нейтрализации — иначе мы все, и я в первую очередь, останемся буквально с голым задом!

— Не переживайте, Минеон, — рыкнула я сладко. — Прокопию лично преподам уроки Латыни, — смачно отхлебнула кофе и затем громко поставила на стол чашку, что аж оба моих спутника вздрогнули от неожиданности а кофе расплескался по поверхности, — а если не дойдет устно, — я многозначительно покосилась на швабру, которую все еще придерживала в качестве трости.

А юноша сидел, бумажку в руках мял, уже мысленно жалел, что еще полвека назад с библиотекой не закончил и свой путь.

Вот стояла и думала — почему судьба именно меня назначила няней этому гению?

Хотела выпить кофе спокойно — а теперь буду сторожить, чтобы полцарства опять не чесалось от его любви...

Срамота какая, а кофе — остыл.

Знакомство с героями

РОЗА КОРНЕЕВНА АККЕРМАН (Роза Крокодилов-на)

Женщина загадочного пенсионного возраста (возраст, конечно, отличный, но уточнять не будем: вдруг и нам повезет дожить до такого состояния боеспособности).

В свое время она правила бухгалтерией в ЖЭК железной рукой — не зря ее боялись и почитали всей округой, даже при ее росте 155 см. Роза Корнеевна не знала страха: начальство трепетало перед ее взглядом, а директор, встречая ее, мог и вовсе забыть зачем пришел, пока Роза Корнеевна не снизойдет и не выполнит порученное — вся контора затаится, даже ручки не громко щелкают.

Договариваться с ней было бессмысленно: взятки она не брала, а попытки «решить по-человечески» спотыкались о ее вечную строгость. Говорят, даже инспекция из налоговой предпочитала обходить их ЖЭК стороной — уж больно было велико искушение у Розы Корнеевны кому-нибудь настучать по затылку, как по провинившимся школьникам.

Чистоту и порядок она ставила выше всего; к служебным романам относилась как к эпидемии. Стоило кому-то проявить хоть толику чувств на рабочем месте, как она непременно хваталась за что потяжелее и, возмущенно выкрикнув

«Срамота!», спешила турнуть влюбленных — за что и обрела народное прозвище Крокодиловна. Коллектив прекрасно знал: если воздух начинает пахнуть любовью, аккуратнее — тапок анти-амура может настичь любого.

Когда возраст Розы Корнеевны перескочил определенную, весьма уважаемую планку, ее деликатно попросили уступить место молодым — чтобы новые кадры не заставляли заикаться руководство, как было перед Розой Крокодиловной. Она не стала спорить: годы берут свое. Теперь она заходит в прежнее здание пару раз в неделю — не чтобы считать чужие деньги, а наводить порядок на территории, где когда-то никому не удавалось мусорить безнаказанно.

Ее жизнь оборвалась неожиданно, когда она убирала снег зимой у здания ЖЭКа и на нее упала огромная ледяная сосулька. Умерев, она сразу попала в Распределительный Центр Миров, где ей открылась интересная тайна — она является носителем очень редкого дара — перемещения между мирами, которым наделены женщины ее рода, но дар проявляется не у всех а через какое-то поколение.

Розу Крокодиловну назначили на высокую должность «Хранительницы Миров». С этого момента она обрела статус «астрального духа», способного путешествовать между мирами и различными эпохами. Самой выполнять поставленные перед ней задачи — не требовалось, она была куратором для других «одаренных» людей, которых отбирали Старейшины из Высших магов.

Ее задача — направлять подопечных и подсказывать что делать, чтобы миссия прошла успешно. И также следить за тем чтобы они не натворили дел и в случае чего помогать устранить проблемы.

Верным помощником Розы Крокодиловны стал белый кот-фамильяр Кузелвар, сокращенно Кузя. Он же и стал ее домашним любимцем и другом. Кот является магическим существом и поэтому умеет распознавать магию.

Ее Образ — халат и скалка — это та оболочка, в которой Роза Крокодиловна предстает перед своими подопечными, чтобы они ее уважали и понимали что в случае непослушания, эта самая скалка полетит им в лоб и не один раз. Да и в целом образ выглядит грозно, согласны?

ПРОКОПИЙ НЕДОТЁПОВ (Вечно молодой студент ботаник)

Хотячее очкастое недоразумение — именно так о нем отзывается Роза Крокодиловна.

Прокопий родился еще где-то в туманной эпохе 1940-х, а закончил свой земной путь в 1960-х, едва перевалив за скромные 23 года. Отчего и как — тайна покрытая туманом, ни он, ни живые и близко не знают. Но ясно одно: ушёл Прокопий слишком рано, так и не успев как следует пожить и наворотить дел.

После него осталась младшая сестра — разница у них была почти эпохальная, 13 лет. Девочка с детства сильно боле-

ла, и Прокопий однажды пообещал: будет с ней всегда, пока она есть на этом свете.

Вот только клятвы, оказывается, имеют свойство исполняться буквально: душа Прокопия в тот самый миг и зафиксировалась в какой-то временно-бессрочной зоне под названием Междумирье и его возраст застыл. Так и просидел наш герой почти полвека — застрявший фантомным призраком при громадной волшебной библиотеке, где хранили все написанное, выдуманное, забытое и даже то, что никто, кроме ее самой, придумать бы не смог. Знания со всех миров и эпох стекали в нее бесконечной рекой.

Прокопий, надо отдать должное, во время своего книжного заключения не скучал. Читал все подряд, пока глаза в кучку не сводились, но особое внимание уделял, конечно, драконам. Ну как не мечтать хоть раз встретить настоящего драконорожденного или увидеть воочию огромного чешуйчатого зверя?

За годы скитаний по библиотечным залам освоил кучу языков, но латынь так и не далась ему: окончания путал, ударения перескакивали, и там, где сварил бы чай, умудрялся сотворить маленький апокалипсис. Прокопий же был уверен — латынь это сущий пустяк, да и вообще “невозможно там что-то напутать”.

Минуло больше семи лет с тех пор, как библиотека сжалась и наконец дала отмашку его душе: сестра ушла, и клятва больше не удерживала. Казалось бы, по всем правилам его

можно было бы оставить там вечно — архивариусом с пожизненным (или посмертным) абонементом. Но не тут-то было: страсть к драконам перевесила даже вечность.

Прокопий, не унимаясь, напросился в ученики к суровой Розе Корнеевне, которая за годы его воспитания стала седее туч февральских и, похоже, научилась одновременно охать, кричать и махать тапком. Прокопий умеет преподносить сюрпризы — и не всегда из приятных.

Но, как ни странно, сердце Розы Крокодиловны, привычно обложенное слоями брони и бухгалтерских отчетов, слегка смягчилось. Прокопия теперь иногда зовет “Прошей” или даже “Недотепой”. И, удивительно, порой смотрит не как на раздражающий объект, а — почти как на капризного внука.

Тандем Прокопия с Розой Крокодиловной смотрится комично из-за огромной разницы в росте.

МИНЕОН МАКАЛИСТЕР (Главный начальник)

Возраст его, страна и даже век рождения — загадка, скрытая где-то в туманах Междумирья. Зато легкая седина и резные морщины, как штрихи опытной кисти, добавляли его облику особой харизмы.

Здесь все было просто: в какой бы эпохе и стране ни обитал человек до этого, попав сюда, говорить начинает на языке, который понятен всем, и, что особенно удобно, не вызывает ни единого акцента или грамматических аварий.

Минеон Макалистер — абсолютный босс, верховный ди-

ректор тотального масштаба: командует всеми Хранителями, раздает им задания по устранению катастроф и латанию вселенских проломов, чтобы все миры не отправились разом в тартарары.

Он руководитель, грозный и респектабельный, его уважают и немного побаиваются даже закаленные Хранители. Но вот перед Розой Крокодиловной даже наш нестигаемый Макалистер скисает, как пионерский лимонад. Уж слишком память свежа: и внучка ее в опасном задании, и секретарша — в буквальном смысле — под его столом. За оба случая Макалистеру досталось так, что строгость и харизма отскакивали куда-то к потолку, а на лице застыло выражение «не трогайте меня, пожалуйста».

Что поделатъ, он ведь чрезвычайно любвеобилен, и никогда себя не ограничивал... по крайней мере, пока при дворе не появилась она — сама Крокодиловна, держательница чистоты и страж порядка. Она настолько искусно выявляла его увлечения, что вскоре Макалистер стал тренировать навыки тайного агента, пряча свои интрижки по разным закоулкам канцелярии. Правда, все равно умудрялся попадаться — лейтенант Коломбо мог бы брать у нее уроки наблюдательности.

Отдельно стоит отметить врожденную уверенность Макалистера в собственной неотразимой наружности. При любом удобном случае он выставлал напоказ ряд своих безукоризненных белых зубов и свою фирменную улыбку: так и хочет-

ся сказать, что с таким арсеналом и плюшки продавать можно было бы с успехом, не только судьбы решать.

Макалистер искренне полагал: стоит только дать грозный начальственный фейсконтроль вперемешку с обаятельным оскалом — перед ним должны и падать, и молиться, и не дышать. Но, увы, на Розу Крокодиловну этот трюк не действовал никогда.

За свой недавний подвиг Роза Крокодиловна заслужила не только всеобщий трепет и почет, но и вполне материальный приз: ей вручили артефакт особой мощности — магическое кольцо. Это украшение было не просто блестящей безделушкой: оно усиливало любые магические потоки, стабилизировало магию носителя и позволяло на время скинуть с плеч груз прожитых десятилетий.

Подобные артефакты — вещь сродни легенде: за всю историю Междумирья их вручали всего трижды и Роза Корнеевна стала третьей.

Глава 3 Миссия - “Устранить чесотку” пошла не по плану

— Срамота! — буркнула я, потрясая кулаком в пространство, откуда меня только что портал выплюнул как пробку от шампанского на новогоднем банкете.

Кого-то жизнь баловала завтраками в постели, кого-то — бессмертием, а меня вот “обрадовала” очередная телепортация в параллельный мир к династии Ледяных Драконов в Рейнаргард с миссией спасения очередной голубой крови.

Только успела намотать бигуди поудобнее и убедиться что они держатся также крепко как мои последние надежды, как меня вышвырнуло на мраморные полы очередного королевского дворца.

Макалистер даже не дал мне шанса хотя бы дух перевести, не говоря уже о переодевании!

"Ох уж устрою тебе, любимый начальник, когда вернусь!" — подбодрила себя этой мыслью и, не теряя ворчливого настроения, понеслась по коридору в своих розовых тапочках, звонко цокая каблучком по мраморному полу, молясь чтобы поясница не дала о себе знать.

Пахло тут морозной свежестью так, будто все насквозь пропитано перечной мятой вперемешку с какой-то подозри-

тельной загадочностью — прямо букет из лучших ароматов для вызова внутреннего напряжения и желания отсюда сбежать.

Я шлепала по необъятному дворцовому холлу, а цоканье моих тапочек разлеталось по залам, эхом пропадая где-то в снежно-белых стенах. Ощущение было такое, что занесло меня напрямиком в ледник или во дворец из вечных льдов.

Хорошо хоть пар изо рта не валит, ведь, как ни крути, я уже не совсем живая, а астральный дух с бонусом в виде физического тела.

После жизни по ту сторону многие радости мира воспринимаются как-то иначе, но кое-что от старых чувств все же осталось. Вот и холод чувствовался, хотя и не настолько мощно, чтобы я стала ледышкой на глазах у местных придворных, коих еще не встретила по пути.

Так что сейчас я бы с радостью укуталась в теплую шубу, поставила ноги в таз с горячей водой и запила все это чаем с малиной.

Ну а пока приходится довольствоваться здешней “гостеприимной” атмосферой.

А я ведь была не при параде, не ко дворцу! Ироды! Даже не дали себя в вид привести.

“Очень срочно и очень важно, Роза Корнеевна, только на вас вся надежда. От вас буквально зависит судьба всех Миров.” — вспомнила я умоляющие интонации начальства. Тьфу ты.

Отличный прием для ведьмы в халате — если, конечно, целью был праздничный позор.

Принц Ваэлион-Меридион, как его там... черт бы его побрал (вот уж постарались с именем — такое выдумали, что, кажется, даже логопед с первой попытки язык сломает), встретил меня ровно так, как я и ожидала: будто был вынужден терпеть в собственном доме выездной привоз рыбных туш в сезон жары.

Он уставился на меня с ледяной выдержкой — по всем лицевым мышцам читалось: “Можно мне это развернуть и отправить обратно?”

Но, как подобает благовоспитанному золотому кровяному, выглядел полностью сдержанным. Сильно сдержанным. Практически в обмороке благородства.

— Позвольте узнать, вы ли... тот самый эксперт? — процедил он через зубы ровно так, как будто капля йода попала на большую мозоль и скрестив руки на груди.

С осанкой он явно переборщил — стоял так прямо, будто только что обзавелся персональным жердем строго по центру собственного достоинства. Срамота, тьху.

Под его ногами, кажется, виднелся иней.

Он все это время смотрел на меня так, будто только что обнаружилдохлого таракана у себя в супе.

Ни намек на тепло, только ледяная сдержанность и это вечное “вы кто вообще и почему вас не выгнали прежде, чем

вы наступили на мой любимый ковер?” которого тут кстати нет.

“Да, деточка, на мою беду. Специально для вашего изнеженного величества прилетела из другого мира в любимом халате и на последнем нерве спасти вашу репутацию”, — подумала я про себя.

— Конечно, я Роза Корнеевна, к вашим услугам. Хранительница миров и будущий мастер маникюра по совместительству, — я слегка поклонилась, а затем выпрямилась, гордо задрав подбородок.

— Роза? — мужчина язвительно приподнял бровь и скалился так, что стал виден внушительный набор белоснежных зубов с клыками. Смотри-ка, типичный драконорожденный в полной боевой раскраске. Видимо, возомнил себя неотразимым и ждет, что я сейчас немедленно растаю у его ног, едва выдержав напор его царственного обаяния.

Только вот спешу огорчить — я уже столько всего повидала, что эти номера с чарами на меня давно не действуют, как бы ни выкладывались все эти восторженные ухажеры.

— Роза Корнеевна, — сказала я, глядя мужчине прямо в глаза, даже не думая смущаться. По тому, как у него зачастили желваки и залегла глубокая морщина на лбу, стало ясно — настроение у дракона заметно испортилось. Видно, такого развития событий он точно не ожидал.

— Потерпите старушку — глядишь, ваше королевство от напасти очищу, — ответила я, смотря прямо в эти “царские

стекляшки”: сверкают так, будто я им налог на красоту задолжала.

Ничего, дорогой: не на таких нарывалась, как захочу, так не только словом достану. У меня, между прочим, скалка дошла и до лиц куда нахальнее твоего.

Похоже, моя невозмутимость слегка выбила его из колеи. Видимо, он точно рассчитывал увидеть другую реакцию — не такую, к каким привык от визитеров своего дворца.

Мне же, по большому счету, уже бояться нечего — только за кота переживаю, вдруг останется сиротой после этого бала безумия. Да и кому, спрашивается, сейчас легко?

Мужчина чеканно произнес:

— Пройдемте за мной, — с тем самым тоном, который, кажется, специально оттачивал перед зеркалом, чтобы хотя бы коты начинали бояться. — Роза Корнеевна.

Он поморщился с такой театральной решимостью и жестом велел идти за ним, что я автоматически сделала реверанс и приняла позу “покорно следую за его Всенадменностью”. За его ногами по полу тут же потянулся шлейф из снежинок на полу.

Услышав цокот моих каблучков, он скривил губы так напыщенно, что скулы у него заострились до состояния “режу стекло не отходя от кассы”. В глазах отразился набор семейного признания уровня “горжусь предками и своей челюстью”, так что впору было термометр доставать и отмечать градус завышенного эго на лице.

Шли мы молча, под аккомпанемент веселого цоканья моих розовых тапочек с меховыми бубончиками.

Атмосфера в помещении для обряда напоминала офис среднего маньяка-химика: хаос склянок вперемешку с антикварным мутным зеркалом, стол был настолько стерилин, что я бы своих детей на него не пустила — явно, что-то тут было не так.

Воздух был кислый, как настроение на корпоративе без шампанского, — просвет только в области “авось пронесет”.

Я бы тоже без слов молилась там на святую воду, если бы мне пришлось работать в таком “уютном” кабинете, где странно, что мы не обнаружили многовековую плесень и паутину, учитывая весь бардак.

Прокопий уже ошивался внутри трясущимися руками перекладывал колбы туда-сюда, как будто вот-вот лично его пустят на суп из провинившихся. Он — прямо по нужному адресу и в свежем костюме, а меня портал кинул общаться с принцем в наряде «поймано врасплох». Про переодеться речи не было, только деликатное напоминание: «Время не ждет, тик-так, Роза Корнеевна».

От нашего появления у парня рука так дернулась, что его “алхимия” чуть не получила ускоренную отправку на пол.

— Р-ро-за Кр..Корнеевна, я тут... все готовлю... вы посмотрите, чтоб с ударениями правильно я расставил насечки... — он аж заикаться стал под ледяным взглядом принца — мастер “производственного стыда”.

— Так, Прокопий, не суетись и держи себя в руках, — посмотрела я на него грозно. — Сначала чары приворота устраняем а затем чесотку. Готовишь ровно по нашей с тобой инструкции и без самодеятельности. Здесь и так место, будто я застряла участвующей на вечных похоронах, а не на волшебном эксперименте.

Принц выражением лица дал понять, будто лично я была виновата во всех его несчастьях. Простите, что потревожила ваш королевский фэн-шуй своим несчастным присутствием. У меня, между прочим, были планы пообщаться с кофеином, а не с вашим принцовским эго.

— Конечно, конечно... Только ингредиенты по порядку сейчас как расставляю, обязательно! — забормотал он, бегая глазами по полу, по стенам и по мне, как бы невзначай. — И где же тут споры гриба мышеловки и слезы плачущего шмеля...

“Лишь бы не накликать какую-нибудь чуму или еще такую заразу, что потом век не выправишь. А так всего лишь чесотка — пустяк!”

Поскольку масштабы катастрофы затронули всех обитателей королевских земель, для ритуала спасения хватало даже микроскопической доли ДНК высшей особы.

Сам король, как водится, был “слишком занят”, поэтому на поле подвига пришлось выйти принцу Рейнаргарда — старшему из наследников. Что поделаешь, спасение народа — дело семейное, то есть королевской чести.

Жертвой, к счастью, требовалась не кровь и не правая почка, а всего лишь прядь волос — это мелочь.

Мне вручили серебряную расческу с парой элитных волосков самого наследного принца.

Всего-то потому, что его царское голубокровие не желало подпускать “какую-то там старую простолюдинку” даже на расстояние ближе километра к его начищенным башмакам, не говоря уже о том чтобы взять у него образец волос с головы.

Я сняла эти царские волоски с расчески с такой осторожностью, будто обезвреживала динамит, и по всем правилам “ведьмовства” переселила их в отдельную баночку-изолятор.

Никакой доверчивости — этим мужчинам я бы и тапки под присмотр не оставила, если честно. Куда надежнее сразу подготовить ловушку для проклятий и вести себя как заправский колдун на дискотеке идиотов.

Поглядывая на Прошу, наблюдала следующую картину: суетился у стола, колбы перебирал с энтузиазмом вдохновенного отличника, просматривал списки так, будто получал от них просветление.

Сам светился — вероятно, угадывал, как снова выдать гениальное “Эврика”. В общем, лабораторно-архимедовый идиотизм во всей красе.

Я, в отличие от некоторых, работала по-взрослому — после свидания с принцем-синдромом “вы меня недостойны”, настроение у меня было что надо.

Так что каждую букву в заклинании я проверяла лично, чтобы потом не ловить нашествие моли или внезапные мутации у всех в радиусе километра.

— Внимательнее, Прокопий! Латынь — это не для эпидемии чесотки: с ней нельзя было шутить. Так что напряги свой единственный рабочий нейрон.

— Я все записал, все сверил! — отвечал он, а я пропустила этот фанатичный блеск в глазах, который у него всегда появлялся, когда он собирался сделать очередную “улучшайку” старого и годами проверенного заклинания.

Стоило принцу удалиться (от него так веяло надрывом, что зеркало чуть не вспотело от сочувствия), я уже собралась сама творить ритуал, во избежание конфуза.

А мой очкастый интеллигент моментально расправил крылья души и тут же решил, что теперь он главный в зельевом бизнесе.

Ингредиенты сыпал исключительно по инструкции — сверял названия вслух, будто на экзамене, отмерял дозы с такой педантичностью, что аптекари рыдали бы от зависти.

Наконец, когда варево выдало свой первый торжественный “бульк”, пришла пора закинуть главный ингредиент — королевский волос.

Ну да, спасаем мир от великой чесотки, а потом я, как ни в чем не бывало, уйду заниматься действительно важными делами. Например, лепить пельмени и солить грибы, кото-

рые с таким воодушевлением собирала недавно вместе с Кузей в лесной глубинке.

Но стоило мне только мечтательно задуматься о грядущей кулинарии, как я краем глаза заметила: Проша закидывает в кастрюлю какой-то подозрительно серебристый волос.

Я, конечно, понимаю, что разнообразие — это прекрасно, но вроде бы по сценарию там должен был быть роскошный иссиня черный волос нашего ледяного принца, а не седина. Или у него такие волосы и были?

Может, мне и показалось, но подозрения уже вовсю пляшут чечетку...

Только волос добрался до пункта назначения и сгинул в этой тягучей жижице цвета свежевскопанной грядки, как мой юный алхимик принялся картавить заклинание с таким пылом, будто за каждую ошибку ему полагается по три месяца мыть полы в тронном зале именно в этом дворце под взглядом принца.

— *Amorem robustissimum per Rosam...* — в этот момент меня не просто екнуло, а перекосило до чертиков.

Жижа в зелье забулькала и стала ярко красной, по всему помещению пошли мыльные пузыри с ядовито красным цветом и пропитывая все запахом клубники.

В тот момент, когда один из пузырей приземлился мне прямо на нос и смачно лопнул, едва коснувшись кожи — пол тут же встряхнуло, по комнате пробежал легкий морозец, а склянки пискнули хором, будто решили поддержать драма-

тизм момента.

А зельевар-чудотворец стоял, хлопал глазами, как сова с больной совестью, и при этом бормотал под нос что-то о том, что ошибиться тут невозможно, потому что он, видите ли, все тщательно перепроверил и просто физически не способен на никакую промашку.

Прям само спокойствие и эталон безупречности, не иначе.

— Прокопий! На тебя хоть медаль вешай за вклад в катастрофы! — взревела я. — Ты чего натворил?

Глава 4. Небольшой “Упс” или любовный зуд королевского масштаба

В этот момент дверь распахнулась с таким грохотом, что даже мои бигуди на голове жалобно звякнули собираясь покинуть это бедствие. Вбежал его высочество — и не просто бежал, а прямо-таки мчался, как сверхновая.

Щеки у него пылали так, будто кто-то наградил их основательным слоем свеклы. В глазах стояли слезы, восторг и то самое одухотворенное безумие, с каким фанаты бросаются к своим идолам.

Дышал он тяжело, словно только что добежал до финиша марафона. В руках, казалось, он мог бы удержать сразу всю вселенную, но, по всему видно, собирался ухватить нечто поменьше, а если быть точным — кого-то конкретного.

Принц бросился ко мне, упал на колени — чуть не лбом впечатался в мои любимые тапки.

— Душа моя! О, великое чудо, вы были ниспосланы мне небесами! — И тут же, схватив мою руку, он начал осыпать ее такими жаркими поцелуями, что даже кожа на запястье загорелась до красноты под мой розовый маникюр.

Прокопий от неожиданности выронил все, что в этот мо-

мент держал в руках, или это с таким грохотом упала его челюсть?

— Роза Корнеевна, вы — не женщина, вы сама судьба! Сколько ночей я страдал, мечтая о встрече со столь божественным созданием! У ваших ног я был готов провести всю жизнь... Каждый миг быть вашим вернейшим слугой!

Я попыталась руку выдернуть не успевая и слова вставить в его восторженные возгласы, но мужчина держал ее почти вцепившись:

— О, не отталкивайте меня, не лишайте счастья, пусть все королевства завидуют мне! Никогда еще ни одно сердце не билось так безумно, как мое сейчас рядом с вами! Вы — свет всех звезд, мечта самых смелых поэтов, восторг мудрецов и сладкая отравка любви... Душа моя, позвольте мне навеки остаться у ваших ног!

От количества восхищенных воплей и поцелуев впере-мешку со слюнями мне уже мерещился хор Амуров, летящих в мою сторону с розовыми плюшевыми мишками.

— Ну я гляжу, фамилия у тебя не зря как диагноз, Прокопий Недотепов! Ты приворот сделал! — сверкнула взглядом недовольно в сторону недотепы в очках.

— Одного вашего взгляда и сияния карих глаз хватило, чтобы я стал вашим поклонником навеки, — произнес принц с искренней страстью.

Что он говорил дальше, так и осталось для меня тайной: из коридора начали доноситься какие-то странные, подозри-

тельные звуки: чувствуется, что не только у принца, но и у всех мужиков во дворце вдруг началось нечто среднее между нервным срывом и внезапной страстью невесты к кому...

Прокопий испуганно потупил взгляд и что-то отчаянно лопотал позади:

— Как? Не может быть... — и тут же схватился за волосы, судорожно перелистывая свои записи, будто искал пункт “Что делать, если случайно наабракодабрил сердечно-магический зуд”.

— Сейчас... сейчас, я попробую... что-нибудь сделать! — и трясущимися руками он стал перебирать склянки и что-то искать по своим запасам.

— Прокопий! Пресвятые помидоры! Ничего не трогай!

Но я и сдвинуться не могла, потому что черноволосый принц все не унимался: стоял на одном колене уже отпустив мою руку но преграждая мне пути к свободе, лебезил и вещал про то, как достанет звезду с неба и какое у нас будет светлое будущее когда я стану его королевой.

В голове металась целая процессия: горячие котлеты, борщ с салом, да вездесущие мужские носки по углам. И вот тут как назло полезло все старое — прямо из глубины, из тех забытых и, если честно, совсем не нужных воспоминаний, от которых я всю жизнь старалась держаться подальше.

Может, поэтому и старость встретила одна, без ворчливого деда под боком. Зато есть у меня мой фамилльяр Кузелвар — тоже компания, между прочим!

— Роза, стоит мне произнести ваше имя, и кажется, будто зацветает весна даже в самой лютой стуже. Самое волшебное и притягательное имя в этом мире. Ни одна баллада не сравнится с этой музыкой. Прошу вас, распоряжайтесь мною! Доверьтесь мне, не отпускайте никогда — и если потребуется, я сам стану тапочками под вашими ногами!

Стоило принцу хотя бы еще на миллиметр приблизиться — и будто кто-то открыл портал в адскую приемную сельского ЗАГСа. Из коридора посыпались мужчины — толпой, лавиной, стаей орущих чаек.

— Ро-о-за Корне-е-евна! Вы мой главный фитиль! Без вас мой огонек не зажжется.

— Ах, Роза, вы еще прекрасней чем я себе представлял!

— Позвольте поцеловать вашу ручку... и не только!

— Я хочу зарыться лицом в край вашего наряда — для вдохновения!

Голоса вокруг звенят, а комплименты и неуклюжие подкаты альфа-самцов всех оттенков сыплются нескончаемым потоком. Все были неизвестно откуда, но каждый был свято убежден, что его судьба — зарыться лицом у меня в декольте.

— Поздравляю, — повернулась я в сторону очкастого геня, — теперь я стала ходячим стихийным бедствием для всех мужиков этого королевства по твоей вине, Недотепа! Только попробуй еще слово на своей ломаной латыни вякнуть — прокляну на такой понос, что ты окрестности удоб-

рять будешь до старости!

Сверкнула глазами и показала кулак для пущей убедительности, который тут же был мигом перехвачен одним из кавалеров и уже подвергался слюнявой пытке.

Парень аж побледнел еще сильнее, чем первый снег в декабре. Знает ведь — со злой и старой ведьмой шутки плохи.

Я ни отбиться, ни увернуться не успевала от нарастающей толпы возбужденных «ухажеров». Только выдернула руки и попыталась замахнуться тапком на одного, как другой тут же ластится сбоку, перегородил все лазейки к спасению.

А принц тем временем уже поднялся, по-прежнему мечтательно рассказывая о своих наполеоновских планах, и отошел чуть в сторону, освобождая проход и словно не замечая суматохи вокруг.

И тут — как по зеленому сигналу — туда начали вклиниваться остальные мужики, давя меня своим любвеобильным вниманием, будто я последний лот на модной распродаже.

Где-то сзади вдруг раздался грохот склянок — это наша очкастая катастрофа со стажем лет в пятьдесят чего-то не удержал. Следом хлопбысь! — хлопок, запах серы, и тут же слышу — Недотепа, бедняга, сдавленно вскрикнул так, будто увидел нечто пострашнее зачета по алхимии.

Кажется, никого вокруг не волновало, что только что кто-то устроил мини-взрыв и напустил дыма — кавалеры все лезли и лезли, будто для них тут персональная охота открылась. Я уже начинала нервно коситься на вход: ну еще десяток этих

воздыхателей и комната точно треснет по швам!

Так что у меня тут зрела настоящая эпичная бойня по уворачиванию от особо прытких ручонок обожающей меня публики.

Одному по рукам заехала — тут же трое других тянутся. один к талии, другой с таким видом, будто меня в чулан тащить собрался «для магических практик для взрослых».

А третий, кажется, просто из любопытства решил счастья попытать — потянулся носом прямо мне в ложбинку между грудей, но я в последний момент увернулась, оставив его с носом... в прямом смысле этого слова.

А один самый настойчивый кадр просто просто упал передо мной на колени, хватая меня за подол халата и заорал «Беру!» — причем без уточнения, что именно он берет.

— Позвольте вздохнуть с вами одним воздухом...

— Роза Корнеевна, я все сорок семь лет хранил себя для вас...

— Да что у вас тут за массовый прилив нежности из промежности? — ору я, одновременно размахивая тапком и халат подтягиваю как могу, чтобы не дай бог не треснул по швам — а то радости этим влюбленным фанатам будет на всю жизнь!

Такое ощущение, что где-то открылся бесплатный бар, а пароль — мое имя!

Толпа вокруг гудела и теснила — вроде как всем страшно надо моего внимания, будто я тут главный приз. В глазах у

кавалеров — кто откровенную страсть светит, кто надежду, а кто просто хроническое отсутствие стыда демонстрирует.

У некоторых руки оказались длиннее, чем требовалось для приличия, и тут уж тапок мой пошел в дело — ловко и по назначению, чтобы знали, на чем подскользнуться можно.

Я так азартно махала тапком, что одному бедолаге-казанове каблук впечатался прямо в ладонь — а он, представьте, даже не пикнул! Более того, обрадовался, будто я ему награду вручила. По глазам видно: «О, да, она меня выбрала, я отмечен ее тапком!»

А Прокопий тем временем метался между столом и котлом, как белка в горящем колесе: пытался себе нашептывать что-то для спокойствия, ловить какой-то дзен, но тот явно его игнорировал, а кавалеры все пребывали, и дышать становилось уже просто невозможно.

Принц, кажется, только в этот миг осознал, что до меня его речи о каком-то “прекрасном далеко” вообще не долетают. Оно и понятно — тут уже очередь из жаждущих претендентов на мою руку (и тапочки, за компанию) образовалась, а у самого принца, между прочим, и талончика-то не было чтобы встать в очередь!

Тут его как переключило: оцепенел, оценил масштабы кавалерии — и взбесился так, что я даже залюбовалась этим цирком. Посинел, как свежий баклажан, а температура в комнате за пару секунд грохнулась до отметки “добро пожаловать, пингвины”.

Вихрем пронеслась волна взбесившихся снежинок по залу, и тут начало происходить волшебство в худшем смысле: один ухажер так и застыл навечно в позе романтической подачи тапка, до этого нагло снятого с моей ноги, второй с протянутой серебряной шкатулкой, третий с хищной ухмылкой будто только что из цирка маньяков сбежал, а четвертый вообще завис в прыжке — похоже, надеялся геройски на меня наброситься...

— Фанатов видала всяких, — я попятилась к столу, мельком оценивая масштабы буйства мужских гормонов, — но чтоб такими табунами и с таким рвением к размножению... Срамota! Тут уже не кавалеры, а какое-то стихийное бедствие!

Температура падала быстрее, чем моя вера в коллективное благоразумие мужской половины этого волшебного городка.

Я сама не знала, смеяться или звать, может, экстрасенсов. Тут послышалось истеричное сопение и шорох скомканной бумаги — это Прокопий носился между зельем и своим так называемым аварийным планом.

— Так, а вот это должно сработать! — выкрикнул он с ноткой надежды и каким-то отчаянием, будто довели его не опыты в колбе, а вся эта веселая компания.

Мужчина с каким-то священным безумием метнул в зелье

пару черных волос и что-то прошептал, а в его очках сразу отразился подозрительный блеск.

Зелье булькнуло, заиграло ядовито-розовым цветом и щедро выдало на всю комнату такую смесь цветочных запахов, что чихать хотелось куда больше, чем вдыхать и любоваться.

— Прокопий! Есть у меня подозрение, что ты на беды работаешь по призванию!

И вместо того чтобы снять это массовое помешательство, на что был расчет, произошло совсем наоборот: в ту же секунду наш “ледяной монарх” начал буквально покрываться мурашками в виде чешуи и впал в такую страсть, что у меня едва халат не сдуло вместе с рейтузами.

Он вцепился в меня, будто я была последней бутылкой коньяка на новогодней распродаже и заорал:

— Все вон! Только мне позволено дышать рядом с этим прекрасным бутоном!

И остальных кавалеров просто перестало существовать — одного за другим накрыла такая морозная волна, что на стенах можно было рисовать, водя пальцем по поверхности.

По комнате повсеместно стояли экспонаты: от “восторженного залипалы в позе на карачках” до “обожателя с глазами на выкате”.

Недотепа застыл на полпути, держа в руках банку с оставшимися волосами, его выражение надолго осталось бы в учебниках как курс “мастерство ошибаться по-крупному”.

В глазах у принца читалась смесь победы, безумия, тотального восторга и легкого приступа собственничества, которым можно было замораживать полмира.

Я стояла посреди этой эпопеи с тапком наготове, бросила взгляд на принца и скептически хмыкнула:

— Вот и чудненько, — протянула я, глядя на стройные ряды ледяных кавалеров, — теперь никаких приступов страсти, только легкий сквозняк между ушами.

И тут очередной розовый пузырь с противным чмоканьем шлепнулся мне на лицо, лопнул прямо на коже, глаза защищало — и все, мир поплыл.

Что было дальше — уже не помнила.

Мир в какой-то момент схлопнулся, прощальные слова принца “Роза, любовь моя, что с тобой?...” эхом зазвучали где-то рядом.

Последнее, что запомнила, — как кто-то мягко подхватил меня, когда я окончательно отключилась от этого парада любви и рухнула в обморок.

Глава 5. Предложение или жаботливый принц

Теперь...

Вот не успела и помереть по-человечески, а тут началось... Стояла, таращилась своими уставшими от всей этой жизни глазами на шикарного обнаженного кавалера, который валяется у моих ног с отпечатком подноса на пятой точке — прям как на распродаже: “Уценка, возврат не предусмотрен”.

И вот спрашивается — за какие такие заслуги мне это кино?

Была простой бухгалтершей, ладно главным бухгалтером, да умерла, считай, по-глупому — не от пылкой страсти или болезненной старости, а под какой-то сосулькой, когда подметала двор, будучи на пенсии. Нелепая смерть, как анекдот!

А когда умерла превратившись в фантом — сказали, что я Особенная, понимаете, Хранительница миров! Пророчили, понимаешь, великое будущее, вот, мол, Роза, у тебя там дар, с поколениями по материнской линии передавался — перемещаться меж пространствами, астралы всякие, теперь ты великая, судьбоносная и теперь должна, обязана, спасать, разруливать, на службе у Старейшин и бла-бла...

Да хоть не обманули с “подарком за службу”: конечно не

дачу дали, как хотелось, а небольшой уютный домик в спальном районе, где куска земли едва хватило посадить пару кустов роз — мелочь, а приятно...

И, чтоб подчеркнуть, как они дорожат такой “ценной сотрудницей”, всучили мне чудо-кольцо: пока оно на пальце, могу в любой момент вернуть себе молодость — пусть и временно, зато приятно.

К тому же, эта побрякушка работала как усилитель: магические потоки с ним слушались лучше, заклинания не валились набок, а перемещение по мирам проходило спокойней — можно, наконец, путешествовать без приключений в стиле “угадай, где выпадешь на этот раз”. Просто сказка ведь.

Глянула на свои руки — кольца-то нет! Да чтоб их!

Вспомнила — судя по всему, утеряла в суете, когда эти похотливые самцы в подвале чуть руку не вывернули, а там же бедолага Прокопий в заморозке остался...

Стоило только распахнуть дверь, чтобы махнуть в подвал за кольцом и спасти непутевого очкарика, как меня будто ветром припечатало на место. За порогом выстроилась очередь такая, что, кажется, вся мужская популяция Королевства решила пройти кастинг одновременно.

Штук под сотню набралось, не меньше: вот один в чепце до пола замирает, второй с балалайкой на изготовку, третий держал подмышкой мини пига и корзину каких-то сладостей, а у четвертого глаза такие в розетку воткни — засияют ярче любой люстры.

Кто-то в бархатном жилете, вензелями расшитом, манжетки, волосы до плеч — возомнили себя Наполеонами на выданье, шляпы, подвязки, туфли с золотыми пряжками!

Еще бы дуэль за меня устроили — вон у одного даже мушкет за спиной, у другого — пастуший посох.

— “Розочка, богиня моего сердца!”

— “Свет миров! Весна моих очей!”

— “Позвольте хоть руку поцеловать!”

— “Ваш вечный раб!”

Кто только что не орал, давились друг с другом, букеты ломались, комплименты летели, похоть так и капала с усов.

Я опешила и застыла в дверях.

— Срамота... Ну просто мечта свахи — собрались тут одни “женихи года”, — выдала заключительный вердикт, смотря на эту толпу фанатов, скандирующих “Роза, Роза, Роза!”

Первый кавалер руку тянул — еле увернулась, второй в нос уперся — отпихнула локтем, третий уже в рифму пошел стихи читать про мой “розовый маникюр”, а у меня терпения было меньше, чем в очереди в паспортном.

Тут у меня злость взяла верх, и, вспоминая все свое магическое наследие, набрала побольше воздуха — и как зашептала свое коронное:

— Да чтоб вам, похотливые павлины, всю ночь бегать со спущенными штанами! “Fluxus vobis in utrumque aurem et in tres ventriculos fiat!” Раз, два, три — срамота!

И тут, как по команде: лица у всей очереди вытянулись,

глаза округлились, животы схватили. Кто на дыбы, кто сразу пятился, кто дар свой бросил прямо под ноги — будто вспышка на солнце произошла.

Толпа кавалеров метнулась к ближайшим кустам, кто не успел — прямо в парадные вазы и сундуки да за шторы!

А подарки — колечки, букеты, свертки — попадали, даже один бутафорский герб аж загремел по полу: “Подарки не спасут, когда прижало!”

Я дверь на засов, глубокий вдох, прижалась спиной к обшивке:

— Почаще бы вам такие фекальные очереди — и страсти бы поубавилось...

Только собралась выдохнуть, как поглядела — посреди комнаты никого!

Место, где валялся этот влюбленный принц, — пусто так, будто его ветром сдуло и никогда здесь и не было.

Даже не осталось последствий недавней бурной акробатической деятельности, все было чисто и сияло, будто здесь пробежал Мистер Пропер — тот самый мужик-уборщик из рекламы.

Не успела отдышаться, как вдруг в центре спальни возник он: принц во всей красе, белый камзол с серебром сияет, улыбка сверкала как в рекламе зубной пасты, волосы по красоте уложенные и блестели будто только что вышел из парикмахерской, в руках — бархатная коробочка, а взгляд... ну, хоть падай!

Встал на колени (аж хрустнул паркет), пододвинул мне коробочку, открыл, а там кольцо с изумрудом размером с грецкий орех, и торжественным голосом:

— Роза Корнеевна! — пафосно воскликнул (я аж закашлялась, не иначе как проглотив язык от удивления!) — Станьте моей женой! Осчастливьте меня, подарите миру ту любовь, которая затмила бы луну и солнце!

Да я прям Шамаханская царица, ты погляди...

Мужчина мял одно колено в полу, сверкал своим минералом и строил глазки, а я уже из последних сил пытаюсь к выходу, чтобы остаться в живых — и желательно холостой. Срамota то какая.

Я только вдохнула, чтобы ответить — а он встал и навис надо мной, и мой рот, как штемпелем, пальцем перекрыл, мол не перебивай, тут мужчина мечта всей твоей жизни в эфире:

— Дорогая Роза, представь себе: наша свадьба — уже завтра, на рассвете, когда первые золотые лучи пронизывают небеса и наполняют все вокруг невидимым волшебством пробуждения! Самый знаменитый бард королевства будет воспевать твою красоту, а вся знать и весь народ соберутся со всех концов, чтобы стать свидетелями поистине грандиозного события — ведь принц Ваэлион-Меридион Нокс Арктурий фон Рейнаргар берет в королевы самую восхитительную и блистательную женщину, о которой только мог меч-

тать этот мир, да что там — весь свет! Таких женщин, как ты, моя изумительная Роза, еще не было и никто никогда не встречал! А этой ночью, — он придвинулся ко мне совсем близко, даже в носу защекотало от его дыхания, — я обещаю тебе волшебство, море страсти, гармонию стихий и сто оттенков любви. Пусть Верховный Совет Архимагов завидует!

Не дал опять и слово вставить! Палец к губам — как королевский штамп “замолчать”:

Я икнула, а он уже продолжал, глаза горели, губы почти касались уха:

— Мы нарожаем дюжину чудесных детей! С волосами цвета серебра и с твоим темпераментом! Десять сыновей, которые станут величайшими магами и воинами-драконами в этом королевстве, и красавица дочь Фелиция, с красотой которой не сравнятся даже богини!

Я уже не знала, куда деться!

— Мужчина, ну стой, ну подожди... — а он все крепче обвивал меня руками, щекотал дыханием у виска. А тут вдруг бац — в нос ударил какой-то странный сладкий аромат и перед глазами появился розовый туман.

Меня немного повело, словно я опьянела, только что накатив как минимум литр крепкого домашнего вина.

А я уже начинала искать глазами тапок или хотя бы поднос побольше — вдруг пригодится для самообороны.

— Валидол... я... — и мужчина прервал меня на полуслове.

— Ва-ли-дол... как звучит красиво... — мечтательно заговорил принц и втянул носом так, словно почувствовал аромат свежееиспеченных булочек с корицей.

Попыталась еще раз отпихнуться от мужчины, но моих сил не хватало:

— Валидол, ты послушай! Я вообще-то, детей родить тебе не смогу...

Он смотрел серьезно, с абсолютно счастливым видом во все тридцать два:

— Обожаю скромных! Не скрою, мне было важно, чтобы вы были целомудренны до свадьбы...

— Нет, ты не понял! Я детей завести не смогу, потому что... я Астральный дух! То есть мертвая! Практически как древняя мумия эпохи неолита. Вон песок уже даже не сыпется, закончился...

— Все решаемо, — умиротворенно перебил, — у меня дядя — Верховный некромант-целитель при королевском совете!

А этот упрямый стриптизер от аристократии не сдавался — снова опустился на одно колено, с намерением воткнуть на мой палец кольцо с таким камнем, что если ударить меня по голове — сразу гарантия быстрой встречи с предками и бесплатная реинкарнация.

Серьезно, у меня после его предложения палец уже зудел в предвкушении ампутации!

Я посмотрела, как уже была готова выдать очередную ед-

кость, а сама вдруг поняла — нет, ну хватит! Так не могло продолжаться, надо было быстрее разбираться с этим бардаком.

Никаких принцев, никаких там сердечных интриг — сейчас бы с королевством разобраться да вытащить этого бедового Недотепу из ледяного подвального плена.

— Роза Ко... — начал было он, но я его резко перебила.

— Стоять! Не для тебя моя роза распустилась, не стану я твоей королевой! Я не согласна!

Едва выдохнула — и тут же этот красавец мигом вздернулся, перекосился и... все: прямо на коврике, не моргнув глазом, превратился в ярко-розовую жирную жабу с голубыми глазами-бусинками, словно мимо пробежала Барби и обронила своего питомца.

Ква-ква, а в глазах — тоска и восторг одновременно, словно ждал этого дня всю свою жизнь. Квакнулся.

Я уже и руки в боки, как полагается:

— Принцы, кавалеры с глазами полными страсти, теперь вот и жабы нечисть потянулась. Кого дальше ждать — гномов с гармошкой, троллей с кастрюлей каши или, на всякий случай, инопланетян на сверхскоростной метле?

Я взяла амфибию в руки, с сожалением посмотрела на это розовое бородавчатое чудо и сказала:

— Не на ту попал, жабеныш. Я эту сказку знаю: я тебе не принцесса и поцелую тебя спасти не буду. Максимум —

отнесу к пруду, устрою личную жизнь среди кувшинок.

— КВААА!

С Международным Женским Днем

Принц Ваэлион-Меридион Нокс Арктурий фон Рейнаргар
поздравляет всех прекрасных дам с праздником!

Пусть мужчины смотрят на вас также, как принц смотрит
на свою розу)

Глава 6. Королевский ужин

Взяла я "Валидола" — жабу с грустью во взгляде — и быстро потопала по замку, кольцо искать.

На пути встретила все, кроме удачи: кладовку с тряпками позапрошлого века и шлейфом такого нафталина, что у меня бигуди свернулись в позу "разбудите после зимней спячки", парадную спальню с коллекцией древних портретов, по всей видимости, королевской семьи и наконец — парадный холл, где я влилась в рассвет аристократических гормонов.

За столом ужинали: король Валемир-Ауристо Драксион Ксавериус фон Рейнаргар, королева Корделия и три красивейших мужчины лет под двадцать-двадцать пять, один другого роскошней, братья принца Ваэлион-Меридион Нокс Арктурия.

Еще до того как попала в этот мир, пробежалась по досье на всех, с кем могла по неосторожности пересечься в этом королевстве. Так что без досмотра знала, кто из отпрысков здесь самый старший, у кого какой характер и кто по утрам предпочитал омлет, а кто — только свежесжатую драму с тостом.

Все — как с глянца, поди ж ты, конвейер для женских фантазий.

Темные волосы, суровое очарование, губы как магнит для любовных признаний, взгляд хищный, челюсти такие, что

одной улыбкой можно было вскрыть шампанское.

Как только я ворвалась в зал, при халате, бигудях, с жабой наперевес — весь местный царь-батюшка и его гарем сыновей хором повернулись ко мне, как подсолнухи к солнцу.

Нет, правда, ощущение было, что я была не ведьма в состоянии "с утра все болит", а корзинка с горячими пирожками на бесплатной ярмарке для холостых мажоров.

Честно — я чуть жабу не уронила. Миг — и стол притих.

В глазах у братьев — смесь шока, интереса и того самого голодного блеска, из-за которого приличные дамы хватали веера, а неприличные — новых мужей.

Смотрели вчетвером: у каждого заиграли скулы, в глазах — похоть откровенная, слюнки так закапали, что я заподозрила подтопление первого этажа.

Один из принцев даже глотнул так, что у него кадык подпрыгнул до самой макушки.

У королевы лицо вытянулось, как будто ей случайно вместо чая плеснули настойку "Пять капель от позора".

— Это... кто ЭТО? — на максимальной громкости, дрожащими пухлыми губами произнесла она с видимым пренебрежением, будто почувствовала запах фекалий.

— Как кто? Совесть ваша! — объявила я с важностью. — Роза Корнеевна, по вызову из департамента Задницы и Чудес, хранительница Высшего ранга.

Попыталась исполнить изящный реверанс, но что-то мой баланс решил взять выходной — чуть не клюнула носом в

начищенный мрамор, чудом удержалась на ногах. Не те уж годы, ой, совсем не те.

Первым сорвался один из принцев, сидящий ближе к королю — со шлифованным пафосом встал, будто собрался танцевать приватный танец, глянул на меня глазами разбуженного зверя:

— Простите, но у меня ощущение... будто сама богиня желаний зашла в наш дом. Позвольте принести вам все лучшее, чем я когда-либо владел — от сердца до... ну, всего остального.

Второй принц, что сидел дальше всех, быстро подскочил ко мне и, едва сдерживаясь, протянул мне руку с таким низким баритоном, что у меня халат чуть не упал:

— Ваш нежный взгляд лишил меня последних остатков разума. Прошу, позвольте быть вашим кавалером, утроить вам вечернее удовольствие — и утреннее, если потребуются...

Третий двинулся ко мне — без стеснения, взглядом раздевал минимум до рейтузов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.